

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.3>

UDC 81'1:156.12
LBC 81.003

Submitted: 28.09.2019
Accepted: 27.12.2019

“CONFLICTOGENIC ZONES” OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Olga V. Balyasnikova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia

Natalya V. Ufimtseva

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The term “conflictogenic zone” of language consciousness is associated with a complex of concepts denoting values of a particular culture expressed by means of the national language. When comparing the associative meanings of quasi-equivalent lexemes of the languages under study, there can be revealed a mismatch of the knowledge behind them, the latter leading to the conflicts of misunderstanding / incomplete understanding in the situation of intercultural communication. Thus, the spheres of national traditions, family and confessional relations and, in general, the sphere of ideas about oneself and about one’s ethnic neighbours, are undoubtedly conflictogenic (i.e. dissimilar in content or completely lacunar). The results of an associative experiment conducted with native speakers of Russian and national languages in two regions of the Russian Federation (i.e. the Republic of Tatarstan and Sakha (Yakutia)) demonstrate the differences in the above-mentioned ideas depending on the region of living and national identification of the informants. The study was conducted in the native language of the informants, the latter being asked to write down a spontaneous word-reaction to ethnonymic stimuli. Then the semantic gestalt of each stimulus was simulated for each group of the informants, with the semantic zones “subject”, “object”, “characteristic”, etc. being identified and statistically analysed. The analysis revealed certain differences; the results of the research can be used to optimize intercultural communication and prevent communicative and other conflicts.

Key words: conflictogenic zone, associative experiment, semantic gestalt, language consciousness, Russians, Tatars, Yakuts.

Citation. Balyasnikova O.V., Ufimtseva N.V. “Conflictogenic Zones” of Language Consciousness in Intercultural Communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 28-40. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.3>

УДК 81'1:156.12
ББК 81.003

Дата поступления статьи: 28.09.2019
Дата принятия статьи: 27.12.2019

«КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ЗОНЫ» ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Ольга Вениаминовна Балясникова

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия;
Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, г. Москва, Россия

Наталья Владимировна Уфимцева

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. Исследование языкового сознания проведено с применением термина «конфликтотенная зона», который связан с комплексом представлений о ценностях определенной культуры, выражаемых сред-

ствами национального языка. В статье описаны результаты ассоциативного эксперимента с носителями русского и национальных языков, осуществленного в регионах Российской Федерации – Республиках Татарстан и Саха (Якутия). Эксперимент проведен на родном языке информантов, которым было предложено записать спонтанное слово-реакцию на стимулы-этнонимы. Авторами смоделирован семантический гештальт каждого стимула для каждой группы испытуемых и выделены ассоциаты, составляющие семантические зоны «субъект», «эго», «объект», «характеристика», «действия», «локус», «прочие». По результатам анализа полученных данных определены имеющиеся различия представлений о национальных традициях, семейно-родственных и конфессиональных отношениях, себе и этнических соседях. Установлена зависимость этих представлений от региона проживания и национальной самоидентификации информантов. Показано, что в процессе анализа ассоциативных значений квазиэквивалентных лексем сопоставляемых языков / культур может быть выявлено несовпадение стоящих за ними знаний, которое при межкультурном взаимодействии приводит к конфликтам непонимания (неполного понимания). Результаты исследования могут быть использованы для оптимизации межкультурного общения и предотвращения коммуникативных и иных конфликтов.

Ключевые слова: конфликтогенная зона, ассоциативный эксперимент, семантический гештальт, языковое сознание, русские, татары, якуты.

Цитирование. Балясникова О. В., Уфимцева Н. В. «Конфликтогенные зоны» языкового сознания в межкультурном взаимодействии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 28–40. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.3>

Введение

Национальный язык – важнейший критерий этноидентификации и культурной интеграции. Эта функция дает его носителям понимание принадлежности к национальной культуре, ее традициям и общему опыту. Оптимальная общность знаний коммуникантов о предмете речи, который обозначается определенным языковым знаком, является условием бесконфликтного взаимодействия. В межкультурном общении язык может становиться инструментом конфликта, применяемым вполне осознанно. Однако даже при отсутствии такой установки несходство знаний, стоящее за используемыми в общении словами, может спровоцировать как минимум конфликт непонимания (неполного понимания). Знания, которые связаны с культурными предметами, обозначаемыми словами-эквивалентами разных языков (или, точнее, квазиэквивалентами), оказываются различными и могут в ситуации межкультурных контактов противоречить друг другу. Такие конфликты непонимания (неполного понимания) в условиях межкультурного общения – не исключение, а, скорее, норма. Будучи одной из форм взаимодействия индивидов и групп внутри их собственной культуры и в межкультурном общении, конфликт затрагивает не только и не столько собственно языковые аспекты своего проявления, поскольку его причины заключены в специфике социокультурного опыта

человека. Решение актуальных в настоящее время задач установления причин и природы конфликтов разного рода предполагает прежде всего интердисциплинарность и глубину их изучения.

Если сосредоточиться на исследовании различий культурного опыта носителей разных языков, то речь может идти о квазиэквивалентной лексике (и сопоставлении значений таких лексем с привлечением, например, материала словарей типа Славянского ассоциативного словаря [2004]) и словах, которые таких эквивалентов не имеют, то есть о культурологических либо собственно языковых лакунах. В интеръязыковой лакунарности изначально заложена потенциальная конфликтность непонимания (неполного понимания).

Данный тип конфликтов апеллирует к «широкому контексту» взаимодействия коммуникантов, поскольку связан с константами национального сознания и различается от культуры к культуре. Эти константы лежат:

- в сфере родственных отношений;
- сфере ценностных ориентаций носителей языка / культуры;
- конфессиональной сфере;
- сфере этнокультурных традиций и шире – деятельности, особенности которой мыслятся неодинаково в зависимости и от культуры, и от региона проживания;
- сфере представлений народа об этнических соседях и самом себе.

Все они, несомненно, взаимосвязаны. Сфера представления народа об этнических соседях и самом себе, исследованию которой посвящена данная статья, имеет длительную историю междисциплинарного изучения и соотносится с комплексом представлений, известных как авто- и гетеростереотипы.

Материал и методы исследования

В лингвистических работах стереотипам уделялось много внимания в их отношении к культурным традициям разных народов, проблемам взаимной адаптации в условиях инокультурного соседства, применимости различных, прежде всего психологических, методов анализа содержания стереотипов [Маслова, 2019; Никаева, 2013; Никаева, Соловьева, 2016; Разумкова, 2017; Семашко, 2014; Согомоян, 2018; Bhatia, 2017; Maguire, Wozniak, 1987; Size Is in the Eye of the Beholder..., 2018; Tarasova, 2017]. В настоящее время остаются актуальными вопросы формирования интолерантных установок в отношении носителей других языков и культур в рамках территориального или институционального соседства, в том числе в студенческих группах [Arens, Visser, 2020; Glock, Kleen, 2019; Racial and Ethnic Differences in Bullying..., 2020; Stanciu, Vauclair, Rodda, 2019; Weber, Appel, Kronberger, 2015].

В 2015–2017 гг. при участии коллег из Республик Татарстан, Коми, Бурятия и Саха (Якутия) нами было проведено масштабное исследование «регионального языкового сознания» молодых представителей автохтонного населения, а также языкового сознания русских, проживающих в этих республиках. С помощью экспериментального метода были получены и описаны ассоциативные значения 116 слов в каждой из 10 групп испытуемых. В процессе анализа данных выявлены потенциально конфликтные зоны языкового сознания, обусловленные несовпадением содержания образов сознания, связанных с ключевыми понятиями национальных культур (подробно об этом см.: [Региональное языковое сознание..., 2017]). В статье представлены некоторые результаты исследования, отражающие взаимодействие русской, татарской, якутской культур (и языков).

Отметим, что изучение стереотипов татар и якутов проводилось и проводится с применением как психолингвистических, так и других методов. По мнению исследователей, современным татарам свойственно осознание себя как единой нации на единой этнической основе [Ибрагим, Султанов, Юзеев, 2002], сильная привязанность к национальным традициям и культуре. Ведущими качествами в их автостереотипах считаются трудолюбие, гостеприимство, хитрость, общинность и национализм [Додина, 2008], а первичной характеристикой в самоидентификации (реакции на стимул *я* в ассоциативном эксперименте) является указание на свою конфессиональную принадлежность – *мусульманин* (35), затем следуют *человек* (20), *мужик* (13), *отец* (4) [Гайсина, 2014].

Якуты, по данным В.Г. Крысько [Крысько, 2008], позиционируют себя как людей выносливых, терпеливых, добрых, находчивых, гостеприимных и как знатоков природы. Им свойственна «высокая работоспособность, образованность, доброжелательность», «сдержанность и замкнутость» [Крысько, 2008, с. 132–133], а также «сакрализация природы, родной земли, сакральность жизни, поддерживающих жизнь света и тепла» [Григорьева, 2019]. Особую ценность в образе мира якутов имеют человеческая общность, род, семья, мастерство. Идеалом для них является человек трудолюбивый, любящий Родину, отзывчивый, искренний, добрый и жизнерадостный [Григорьева, 2019]. Многие ученые отмечают такие качества характера якутов, как неприхотливость, выносливость, организованность, сдержанность, терпение и смирение.

В условиях высокой конфликтности коммуникационной среды, в которой пребывает современный носитель языка, продолжает оставаться актуальным исследование национально-культурной специфики языкового сознания носителей контактирующих культур, проводимое с целью выявления потенциальных конфликтных зон, а также описание комплекса языковых средств как потенциальных носителей конфликтной информации, связанных с данными зонами.

Такая задача может быть решена с помощью сравнительно-сопоставительного анализа ассоциативного (психологического) значения слов-эквивалентов в изучаемых языках / культурах и последующего установления несовпа-

дений компонентов значений (в критериях количества и качества) и уточнения лингвистических и экстралингвистических параметров конфликтогенных речевых ситуаций применительно к условиям конкретных межъязыковых контактов. Полученные данные могут быть интерпретированы с использованием достижений социолингвистики, в которой языковые конфликты имеют давнюю историю изучения [Балясникова, 2015; Балясникова, Уфимцева, 2019].

Общей теоретической основой нашего исследования является теория языкового сознания, разработанная в Московской психолингвистической школе и предполагающая органическую взаимосвязь понятий «деятельность», «сознание» и «культура». Языковое сознание понимается как отражение деятельности в ее обусловленности психическими (когнитивными) процессами, с одной стороны, и актуализация этих отношений в коммуникации через языковой знак – с другой. Такой подход предполагает обращение к психологическому значению (А.А. Леонтьев), содержащему знания, сформированные в рамках конкретного языка / культуры и способные «овнешниться» с помощью языковых средств разного уровня: слов, словосочетаний, фразеологических единиц, текстов и т. д.

Ассоциативные значения слов национального языка в рамках методологического подхода Московской психолингвистической школы трактуются как образы языкового сознания, отражающие знания, определяемые культурой носителя языка, для которого этот язык является родным. Сопоставление содержания ассоциативных полей слов-эквивалентов в нескольких языках – метод фиксации и измерения национально-культурной специфики образов сознания, ассоциированных с этими словами.

В данном случае в фокус внимания помещены культуры, носители которых проживают на территории современной России: татарская, якутская и контактирующая с ними русская. Нас интересовали ассоциативные значения слов, используемых русскими, татарами и якутами для национально-культурной идентификации (на национальных языках), и ассоциативные значения слов, которыми носители этих языков называют своих этнических соседей.

В Якутии на родном языке были опрошены русские и якуты, в Татарстане – русские и

татары. В опросе участвовали респонденты, постоянно проживающие в этих республиках. Объем каждой выборки составлял 200–300 человек в возрасте от 17 до 26 лет, причем было соблюдено равное соотношение респондентов мужского и женского пола. Эксперимент проводился в студенческих группах; предварительно была собрана следующая информация об испытуемых: пол, возраст, национальность, родной язык, город, вуз.

Обработке подвергались ответы с частотой два и более. По результатам эксперимента проводился анализ структуры и содержания ассоциативного значения исследуемых этнонимов в каждом языке и фиксировались количественные и качественные несовпадения в содержании ассоциативного значения слов-эквивалентов по названным языкам.

Результаты и обсуждение

По данным ассоциативного эксперимента были построены семантические гештальты (по методу Ю.Н. Караулова) для каждого слова-стимула, содержащие несколько семантических зон, количество и содержание которых определялись характером полученных результатов. В семантическую зону «субъект» включены обобщенные номинации (*люди, человек*), номинации по социальным, половым, возрастным, оценочным характеристикам, названия общностей, животных и мифических существ. В зону «эго» отнесены местоимения и другие дейктические слова. Семантическую зону «объект» составили названия неодушевленных объектов, конкретных и абстрактных. В семантическую зону «характеристика» вошли слова, значение которых связано с характеристикой объекта, обозначенного словом-стимулом. Зона «действия и состояния» содержала слова-названия действий или состояний объекта, обозначенного стимульным словом, или действий по отношению к объекту и связанных с ним состояний. В семантическую зону «локус» включены названия территориальных объектов с актуализацией местонахождения или границы. Прочие слова, представляющие собой, как правило, случаи реагирования не на содержание, а на форму стимула, составили отдельную зону. Каждая семантическая зона ассоциативного гештальта

разделена на субзоны, например, конкретных и абстрактных объектов, положительных и отрицательных характеристик и т. д.

Результаты представлены в таблице 1 и 2. Цифры, указанные после слов-реакций, обознача-

ют их частоту. Десятичные дроби обозначают процентное отношение конкретных ассоциатов или групп ассоциатов к общему количеству реакций на стимул (исключая единичные).

Таблица 1. Ассоциативная структура автостереотипов русских, татар и якутов

Table 1. Associative structure of Russian, Tatar and Yakut self-stereotype

Семантическая зона	Респонденты			
	Русские (Татарстан)	Русские (Якутия)	Татары (Татарстан)	Якуты (Якутия)
	Слово-стимул			
	<i>русские</i>		<i>татарлар</i>	<i>сахалар</i>
Субъект	<i>люди 68, народ 25, татары 18, национальность 16, нация 15, братья 5, немцы 3, народность 3, друзья 3, девушки 2, народы 2, россияне 2, русичи 2, семья 2</i>	<i>люди 46, якуты 12, нация 8, друзья 5, национальность 4, народ 3, славяне 3, девушки 2, солдаты 2</i>	<i>милләт (нация, национальность) 64, урыслар (русские) 29, халык (народ) 15, кешеләр милләте (нация) 6, дуслар (друзья) 6, руслар (русские) 5, туганнар (родственники, родня) 5, кеше (человек) 4, милләттәшләр (соплеменники, сородичи (одной нации)) 2, рус (русский) 2, халкым (мой народ) 2</i>	<i>норуот (народ) 27, омук (народ, нация, национальность) 14, нууччалар (русские) 12, ураанхайдар (урянахай, урянахайцы (устаревшее самоназвание якутов)) 10, дьоннор (люди) 8, ураанхай (устаревшее самоназвание якутов)) 7, омуктар (народы, нация, национальность) 5, дьон (люди) 3</i>
	47,7	63,9	41,5	55,1
Эго	<i>мы 5, свои 4</i>	<i>мы 6</i>	<i>без (мы) 20, мин (я) 7, безнекеләр (наши) 2</i>	<i>бийиги (мы) 15</i>
	2,8	4,5	8,6	9,6
Объект	<i>традиции 8, книги 3, сказки 3, алкоголь 2, блюда 2, менталитет 2, песни 2, слова 2, традиция 2</i>	<i>водка 4, слова 4</i>	<i>тел (язык) 4, горурлык (гордость) 3, бердәмлек (единство) 2, түбэтэй (тюбетейка) 2, чэй (чай) 2</i>	<i>Бһыах (ысыах, национальный якутский праздник) 4</i>
	8,1	6,0	3,9	2,6
Характеристика	<i>сила 14, сильные 6, мощь 4, молодцы 4, хорошие 4, сильны 3, лучшие 5, самые лучшие 2, много 3, душевные 2, жадные 2, красавчики 2, наглые 2, разгильдяи 2, националисты 2</i>	<i>сильные 5, добрые 3, крутые 3, сила 3, везде 2, хорошие 2</i>	<i>көчлө (сильный) 23, көч (сила) 13, бердәм (единый, дружный) 11, күп (много) 11, бергә (вместе) 5, көчлө халык (сильный народ) 4, бөөк (великий) 4, хэйлэкэр (хитрый) 4, кунакчыл (гостеприимный, хлебосольный) 3, эз (мало) 2, яхшы кешеләр (хорошие люди) 2, эйбэтләр (хорошие) 2, горур (гордый) 2, тырыш (старательный, упорный, настойчивый) 2, мөселманнар (мусульмане) 2, баатырлар (герои) 3</i>	<i>бииргэ (вместе) 11, бары бииргэ (вместе) 10, элбэхтэр (много) 6, куустээхтэр (сильные) 3, күүс (сила, мощь; энергия) 3, аһыйахтар (мало) 2, куустээх нуруот (сильный народ) 2, өрүү үөһээ (всегда на высоте) 2</i>
	17,8	13,5	27,6	25,0

Окончание таблицы 1

End of table 1

Семантическая зона	Респонденты			
	Русские (Татарстан)	Русские (Якутия)	Татары (Татарстан)	Якуты (Якутия)
Действие	Слово-стимул			
	<i>русские</i>	<i>русские</i>	<i>татарлар</i>	<i>сахалар</i>
	не сдаются 47, идут 5	не сдаются 11	тапшыру (передать) 7, булдыралар (создают, делают, могут) 6, булдыра (создает, делает) 4, килэ (придет, приедет) 3, яши (живет) 3, таркау (разбросать) 2	бааллар (есть) 7, баарбыт (есть) 3
	16,2	8,3	7,7	6,4
Локус	Россия 6, держава 2, вперед 3	Россия 3	Татарстан 7, иле (страна) 3, авылы (деревня (с аффиксом принадлежности 3-го лица)) 2, бөтен эҗирдэ (во всем мире) 2, Казан (Казань) 2, алга (вперед) 4, алга! (вперед!) 2	–
	3,4	2,3	6,5	0
Прочие	0	0	1,5	1,3

Таблица 2. Ассоциативная структура гетеростереотипов русских, татар и якутов

Table 2. Associative structure of Russian, Tatar and Yakut geterostereotype

Семантическая зона	Респонденты			
	Русские (Татарстан)	Русские (Якутия)	Татары (Татарстан)	Якуты (Якутия)
	Слово-стимул			
	<i>татары</i>	<i>якуты</i>	<i>руслар</i>	<i>нуччалар</i>
Субъект	народ 42, русские 31, люди 30, национальность 26, нация 20, друзья 19, монголы 14, соседи 12, братья 3, русский 3, русские 2	люди 25, народ 18, национальность 12, нация 10, русские 10, друзья 5, Саха 5, якуты 2, звери 2	татарлар (татары) 83, милләт (нация, национальность) 57, дуслар (друзья) 51, кешеләр (люди) 24, күриеләр (соседи) 12, халык (народ) 11, курие (сосед) 8, дуҗ (друг) 4, кеше (человек) 4, марҗа (русская женщина) 4, иттәшиләр (товарищи) 3, милләте (нация (с аффиксом принадлежности 3-го лица)) 3, һәм татарлар (и татары) 3, башка милләт (другая нация) 2, марҗалар (русские женщины) 2, Иван 2, Нация 2, рус кешесе (русский, русская) 2, урыслар (русские) 2, аю (медведь) 2	сахалар (якуты, саха) 31, омуктар (народы, нация, национальность) 23, норуот (народ) 12, дьоннор (люди) 11, омук (народ, нация, национальность) 11, дьон (люди) 2, табаарыстар (товарищи) 2
	61,0	67,0	76,4	74,8

Окончание таблицы 2

End of table 2

Семантическая зона	Респонденты			
	Русские (Татарстан)	Русские (Якутия)	Татары (Татарстан)	Якуты (Якутия)
	Слово-стимул			
	<i>татары</i>	<i>якуты</i>	<i>руслар</i>	<i>нууччалар</i>
Эго	<i>мы</i> 2 0,6	– 0	<i>алар</i> (они) 2 0,5	– 0
Объект	<i>чак-чак</i> 10, <i>тобетейка</i> 4, <i>непонятный язык</i> 2, <i>Сабантуй</i> 2	–	<i>чиркэу</i> (церковь) 8, <i>теле</i> (язык (с аффиксом принадлежности 3-го лица)) 7, <i>тәре</i> (крест) 4, <i>Матрешка</i> 2, <i>сугыш</i> (война) 2, <i>христиан дине</i> (христианская религия) 2	–
	5,4	0	6,8	0
Характеристика	<i>хитрые</i> 25, <i>злые</i> 7, <i>хорошие</i> 4, <i>молодцы</i> 3, <i>умные</i> 3, <i>сила</i> 3, <i>мусульмане</i> 3, <i>веселые</i> 2, <i>добрые</i> 2, <i>темные</i> 2, <i>толерантность</i> 2, <i>хитрость</i> 2, <i>красавцы</i> 2	<i>хорошие</i> 6, <i>красивые</i> 4, <i>нормальные</i> 4, <i>сила</i> 4, <i>азиаты</i> 3, <i>мамбеты</i> 3, <i>узкоглазые</i> 3, <i>умные</i> 3, <i>дружные</i> 2, <i>злой</i> 2, <i>маленькие</i> 2, <i>сильные</i> 2	<i>куп</i> (много) 14, <i>эйбэт</i> (хорошо, хороший) 5, <i>яхшы</i> (хороший, прекрасный, добрый) 5, <i>көч</i> (сила) 3, <i>христианнар</i> (христиане) 2, <i>чукынган</i> (крещенный) 2, <i>бергэ</i> (вместе) 2, <i>көчлө</i> (сильный) 2, <i>тату</i> (дружный, мирный) 2	<i>элбэхтэр</i> (много) 7, <i>атыттар</i> (другие, иные, чужие) 3, <i>кэлиилэр</i> (приезжие) 2, <i>маваннар</i> (белые) 2, <i>сырдык</i> (1) свет светлый светло; 2) перен. светлый; благородный) 2
	19,0	26,3	10,1	11,4
Действие	– 0	<i>нет</i> 2 1,5	<i>бар</i> (есть) 2, <i>белэн арасуу</i> (общаться с) 2 1,1	<i>бааллар</i> (есть) 12 9,8
Локус	<i>Татарстан</i> 15, <i>Казань</i> 7, <i>в Татарстане</i> 3, <i>общага</i> 3, <i>Родина</i> 3, <i>в Казани</i> 2, <i>езде</i> 8, <i>вокруг</i> 2	<i>Север</i> 2, <i>Якутия</i> 2	<i>Россия</i> (Россия) 8, <i>авылы</i> (деревня (с аффиксом принадлежности 3-го лица)) 2, <i>артка</i> (назад) 2, <i>Мэскэу</i> (Москва) 2, <i>Рэсэй</i> (Россия) 2	<i>Россия</i> 3
	13,0	3,0	4,4	2,4
Прочие	10,0	1,5	4,4	2,4

Основными зонами семантического гештальта являются «субъект» и «характеристика», которые отличаются в параллельных выборках как по содержанию, так и статистически.

На зону «субъект» оправданно приходится около половины всех ассоциатов на стимул-самоназвание. Очевидным является идентификация себя как *национальности* / *нации* / *народа*: у русских Якутии она наименее выражена (11,3), а у татар и особенно якутов – значительно больше (25,8 и 40,4 соответственно). У русских встречаются нечастотные ре-

акции *россияне*, *русичи* (в Татарстане – 1,2) и *славяне* (в Якутии – 2,3), а у якутов значительно чаще фиксируется бывшее самоназвание *ураанхайдар* / *ураанхай* (10,9). Упоминание исторических названий и обращение к историческому прошлому в процессе национально-культурной самоидентификации типично. Все русские и татарские респонденты дают сходные реакции на самоназвания: *друзья* (0,9 и 3,8) / *дуслар* (1,8), а русские, проживающие в Татарстане, и татары – *семья* (0,6) и *туганнар* (родственники) (1,5), что может

быть обусловлено особенностями взаимовлияния культур. В целом, судя по содержанию зоны «субъект», имеют место, во-первых, стратегия идентификации себя / своих: (просто) люди, национальность / нация; во-вторых, стратегия оппозиции, определяемая иноэтническим окружением: *русские – татары* (5,6), *русские – якуты* (9,0), *татарлар – урыслар / руслар / рус* (10,7) и *сахалар – нууччалар* (7,7). Подобные стратегии типичны для автостереотипизации, поскольку образ «мы» формируется в противопоставлении себя / своих другим. Показательно, что и количественно, и содержательно в выборке татар более всех выражено сопоставление с этническими соседями.

Зона «характеристика» более эксплицирована у татар и якутов, чем у русских, независимо от региона проживания. При этом все респонденты представляют собственный народ как *сильный*: особенно – татары (11,9) и русские Татарстана (8,4), менее – русские Якутии (6,0), якуты (5,1). Показательно, что русские ни в одном регионе не дали реакций со значением единства или общности, характерных и для испытуемых-татар, ср.: *бердәм* (единый, дружный) 11, *бергә* (вместе) 5 (4,7), и для испытуемых-якутов, ср.: *бииргэ* (вместе) 11, *бары бииргэ* (вместе) 10 (13,5). У русских такие реакции единичны. Об ослаблении коллективистского начала у современных русских существуют и другие свидетельства, ср. показатели частотности реакции *много / күп / элбэхтэр* у русских Татарстана (0,9), русских Якутии (1,5), татар (3,3) и якутов (3,8).

Положительные, отрицательные и нейтральные характеристики в рассматриваемой зоне также различны в разных выборках. Помимо отмеченных выше характеристик положительная оценочность выше всего оказывается в выборках русских Татарстана и Якутии – 5,9 и 6,9 соответственно (татар – 5,3, якутов – 1,3). Видимо, русские дают просто положительную оценку (*молодцы, крутые, хорошие, (самые) лучшие*), в то время как татары и якуты оценивают себя прежде всего как единый, дружный народ, что, безусловно, является положительной характеристикой. Нечастотные реакции представляют автохарактеристику русских как *душевного* (русские Татарстана – 0,6) и *доброго* (русские

Якутии – 2,3) народа. В свою очередь у татар эта характеристика более разнообразна: *кунакчыл* (гостеприимный, хлебосольный), *батырлар* (герои), *горур* (гордый), *тырыш* (старательный, упорный, настойчивый) (5,3). Только они упоминают принадлежность к конфессии: *мөселманнар* (мусульмане) (0,6). Отрицательные ассоциации с самоназванием встречаются у русских Татарстана (2,5), условно-отрицательные – у татар (1,2).

Семантическая зона «действие» содержит указание на действие или состояние, связанное со стимульным словом; как правило, в нее попадают ассоциаты-глаголы. В каждой выборке зона отличается и количественно, и качественно. Количественно она преобладает у русских респондентов Татарстана и Якутии, но представлена фактически одной или двумя реакциями, входящими в устойчивое сочетание: *не сдаются* (14,6 и 8,3 соответственно), а также *идут* у русских Татарстана (1,6). Следовательно, ассоциаты данной зоны у русских просто апеллируют к прецеденту. В татарской выборке данная семантическая зона наполнена разнообразными ассоциатами, большинство которых обозначает активные действия: *булдыралар / булдыра* (создают, делают, могут / создает, делает) (3,0), *тапшыру* (передавать) (2,1), *килэ* (придет, придет) (0,9), *яши* (живет) (0,9). В якутской выборке содержатся наименования состояния: *бааллар* (есть) (4,5), *баарбыт* (есть) (1,9).

Ассоциаты, составившие зону «эго», почти все относятся к 1-му лицу, то есть объект, называемый словом-стимулом, мыслится по отношению к себе. Несмотря на качественное однообразие, количественные различия показательны: «эго» активизируется более у испытуемых-татар (8,6) и испытуемых-якутов (9,6).

Зона «локус», включающая территориальные объекты, наиболее разнообразна и значима, согласно результатам эксперимента с испытуемыми-татарами.

Анализ зоны «субъект» возможен по нескольким направлениям. Принимая во внимание частотные реакции, можно отметить, что у русских наиболее частой является общая идентификация (*люди, народ*), затем – указание на свою национальность (эгоцентрические реакции), а у татар и якутов – наоборот. У русских респондентов, проживающих в Яку-

тии, обе стратегии равнозначны (30,1), а у татар слова, называющие национальность (23,6), встречаются чаще, чем слова с общим значением (17,5). Русские Татарстана упоминают также монголов (4,2), а русские Якутии – самоназвание якутов (3,8). В целом ассоциативное поле, составленное по реакциям русских, живущих в Татарстане, оказывается более разнообразным: *друзья* (5,7); та же реакция присутствует и в других выборках: у русских Татарстана она составляет 3,8, татар – 15,9, включая реакцию *иптәшләр* (товарищи) (0,8), а у якутов зафиксирован только ассоциат *табаарыстар* (товарищи) (1,6). Сходными у русских Татарстана и татар являются ассоциаты *соседи / күрше, күршеләр* (сосед, соседи) (3,6 и 5,5). Уникальными можно считать реакции *маржа(лар)* (русская женщина (русские женщины)) 1,6 и *Иван* 0,5 в татарской выборке.

В составе зоны «характеристика» наблюдаются существенные различия в разных выборках. Русские, проживающие в Татарстане, оценивают своих этнических соседей как людей *хитрых* (8,2). В числе других реакций, которые можно интерпретировать как отрицательные, – *злые* (2,1) и *темные* (0,6). Положительные реакции-характеристики татар русскими составляют 5,7. В ряде случаев (0,6) указывается конфессия – *мусульмане*. У русских Якутии положительная характеристика своих этнических соседей (18,8) встречается чаще, чем отрицательная (6,8).

Самой частотной характеристикой русских со стороны татар и якутов является их количество – *күп* (много) (3,8), *элбэхтэр* (много) (5,7). Укажем две особенности реакций в татарской выборке: все они положительные (5,2) и представляют русских по их основной религии: *христианнар* (христиане), *чүкынган* (крещенный) (1,1). Эта особенность русских является, очевидно, важной для татарских респондентов – она присутствует и в составе зоны «объект»: *чиркәү* (церковь), *христиан дине* (христианская религия) (3,8). Испытуемые-якуты в свою очередь дают общие характеристики: *атыттар* (другие, иные, чужие), *кэлиилэр* (приезжие) (4,1), *маңаннар* (белые) (1,6). Данный факт, а также то, что русские Якутии обращают больше внимания на внешность, русские Татарстана – на ха-

раактер, свидетельствует о большей дистанции между русскими и якутами, в отличие от русских и татар. Это подтверждает и содержание зоны «локус»: русские и якуты указывают только общие названия страны / республики, в которой проживает титульное население, в то время как реакции русских Татарстана и татар включают названия разнообразных, больших и малых локусов.

Проанализированные здесь примеры представляют малую часть исследования конфликтногенных зон языкового сознания. В действительности такие зоны выявляются на целой группе стимулов, соотнесенных с ключевыми понятиями русской, татарской и якутской культур [Региональное языковое сознание..., 2017].

По результатам общего комплексного анализа могут быть зафиксированы конфликтногенные тенденции. Так, стимулы, называющие ценности, в ряде случаев обнаруживают существенные несовпадения в содержании и структуре ассоциативных значений. К таковым относятся стимулы *Бог, вера и душа*. Хотя здесь имеют место особенности содержания гештальтов, обусловленные стратегиями ассоциирования на русском и национальном языках (см. об этом: [Уфимцева, 2019]), конфессиональная принадлежность является значимой. В некоторых случаях наблюдались различия регионального характера у испытуемых европейской и азиатской части России.

Еще одна конфликтногенная сфера связана с отношениями родства. В языках тюркской группы существует разветвленная сеть наименований степеней родства, в которой различаются не только родственники со стороны отца / матери (мужа / жены), но и родные братья и сестры по возрасту и полу. Соответствующая лексическая единица актуализирует разные знания, обусловленные особенностями внутрисемейных отношений. Причем у татар семейно-родовые отношения оказываются актуализированными и в тех случаях, когда речь идет о неродственниках (стимулы *друг, гость*) [Региональное языковое сознание..., 2017, с. 92–95].

Из-за несовпадения грамматических систем русского и тюркских языков (а также татарского и якутского между собой) возможен конфликт непонимания. Обнаружена боль-

шая зависимость ассоциативных гештальтов стимулов зоны «эго» от языкового фактора [Балясникова, Уфимцева, 2018]. Зафиксированы несовпадения в ассоциативных гештальтах стимула *наши* (большее количество реакций, указывающих на национальность, представлено у респондентов-татар). По наличию конфликтогенных ассоциаций, хотя и немногочисленных, выделяется группа русских Татарстана и русских Якутии (стимул *он*). В выборках отмечены частотные типовые оценочные конфликтогены [Региональное языковое сознание..., 2017, с. 132–133].

Выводы

Выявленные в результате анализа тенденции показывают, что конфликтогенность может быть следствием различной оценки своего и другого народа. Конфликты концептуального характера возможны из-за различного понимания структуры деятельности в разных культурах и разного отношения к собственной деятельности.

Русские оценивают себя пассивно-положительно, но не осознают единым народом, поэтому среди ассоциатов много оценочных реакций-прецедентов. Татары и якуты, наоборот, осознают свое единство, у этих информантов, судя по данным эксперимента, значительно более, чем у русских, проявляется эгоцентризм и этноцентризм. С образом себя у татар ассоциируется активность и деятельность, якутов – существование, бытие. Фактор религиозной принадлежности более выражен у татар – по отношению прежде всего к контактирующей русской культуре, иначе говоря, татары более, чем другие респонденты, обращают внимание на религиозную принадлежность русских, тогда как последние – на внешние атрибуты принадлежности человека к татарской культуре. Несмотря на это, образ этнических соседей у татар является в целом положительным, в то время как русские, проживающие в Татарстане, дают им и отрицательные характеристики. Ранее было установлено, что образ *я* у респондентов в большинстве случаев положительный, следовательно, конфликтогенные тенденции могут проявляться в разных стратегиях самопрезентации, а также в большей выраженности национально-

го начала у татар и якутов (см. также: [Балясникова, Уфимцева, 2018]).

Таким образом, на материале исследования обнаруживаются предпосылки для потенциальных конфликтов, которые не выражаются в языке однозначно. Эти типы конфликтов связаны с так называемым «широким контекстом» общения, социокультурным фоном, на котором оно разворачивается.

Описание конфликтогенных языковых единиц с применением психолингвистических экспериментальных методов и привлечением большого числа испытуемых в разных регионах позволяет получить данные о «конфликтном» языковом сознании носителей национального языка. Результаты могут быть интерпретированы в сравнительно-сопоставительном аспекте в широком контексте этнопсихологических и лингвистических работ (отражающих экспертное знание о культурно-языковых конфликтах), а также социологических опросов (отражающих рефлексию наивного метасознания).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балясникова О. В., 2015. Возможности и перспективы этнопсихолингвистического исследования конфликта // Вопросы психолингвистики. № 4 (26). С. 12–20.
- Балясникова О. В., Уфимцева Н. В., 2018. Стратегии актуализации категории ЭГО в языковом сознании русских (по данным ассоциативного эксперимента) // Вопросы психолингвистики. № 4 (38). С. 14–33.
- Балясникова О. В., Уфимцева Н. В., 2019. Типология конфликтогенных зон по материалам ассоциативного эксперимента // Когнитивные исследования. Вып. XXXVI. Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование : сб. науч. тр. в честь 70-летия В.З. Демьянкова / отв. ред. вып. М. Л. Ковшова. Тамбов : Державинский. С. 284–291.
- Гайсина А. Р., 2014. «Свой» и «чужой» в языковом сознании носителей татарской культуры // Международный научно-исследовательский журнал. № 4 (23), ч. 2. С. 99.
- Григорьева Е. М., 2019. Культурно-этнические особенности переживания в экстремальных ситуациях у якутов // Дневник науки. № 6 (30). С. 18.
- Додина Р. Р., 2008. Взаимные этнические образы русских, татар и чувашей Татарстана. URL: <http://kitap.net.ru/psi/etno-tat-rus.php> (дата обращения: 17.12.2019).

- Ибрагим Т. К., Султанов Ф. М., Юзеев А. Н., 2002. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. Казань : Тат. книж. изд-во. 236 с.
- Крысько В. Г., 2008. Этническая психология. М. : Академия. 420 с.
- Маслова В. А., 2019. Стереотип и сравнение как репрезентанты лингвокультурного пространства // Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография : материалы междунар. науч. конф., посвященной 80-летию создания Института яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Казань : Изд-во Ин-та яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова. С. 122–126.
- Никаева Т. М., 2013. Этнические стереотипы в образе мира русских, якутов, эвенков и эвенов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Т. 10, № 3. С. 75–81.
- Никаева Т. М., Соловьева Е. В., 2016. Республика Саха (Якутия) в языковом сознании современной молодежи // Вестник научных конференций. № 9–6 (13). С. 47–60.
- Разумкова А. В., 2017. Стереотип в языковом сознании: психолингвистический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. Т. 14, № 2. С. 260–266.
- Региональное языковое сознание коми, русских и татар: проблемы взаимовлияния : коллектив. моногр., 2017 / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, О. В. Балясникова, А. В. Разумкова, А. А. Степанова ; под ред. Н. В. Уфимцевой. М. ; Ярославль : Канцлер. 240 с.
- Семашко Т. Ф., 2014. Стереотип как фрагмент языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (32), ч. II. С. 176–179.
- Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский, 2004 / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. М. : Изд-во РАН ИЯ. 800 с.
- Согомонян А. С., 2018. Роль этнических стереотипов и установок в формировании толерантности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. № 4 (812). С. 210–219.
- Уфимцева Н. В., 2019. Ассоциативный эксперимент и когнитивные стратегии респондентов // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII. Интегративные процессы в когнитивной лингвистике : материалы Междунар. конгр. по когнитив. лингвистике (16–18 мая 2019 г.) / гл. ред. сер. Н. Н. Болдырев. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина ; Н. Новгород : ДЕКОМ. С. 920–925.
- Arens A. K., Visser L., 2020. Personal Peer Victimization and Ethnic Peer Victimization: Findings on Their Co-occurrence, Predictors, and Outcomes from a Latent Profile Analysis // Child Abuse and Neglect. Vol. 99. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2019.104250>.
- Bhatia S., 2017. The Semantic Representation of Prejudice and Stereotypes // Cognition. July (vol. 164). P. 46–60.
- Glock S., Kleen H., 2019. Attitudes Toward Students from Ethnic Minority Groups: The Roles of Preservice Teachers' Own Ethnic Backgrounds and Teacher Efficacy Activation // Studies in Educational Evaluation. Sept. (vol. 62). P. 82–91.
- Racial and Ethnic Differences in Bullying: Review and Implications for Intervention, 2020 / M. Xu, N. Macrynikova, M. Waseem, R. Miranda // Aggression and Violent Behavior. Vol. 50. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2019.101340>.
- Size is in the Eye of the Beholder: How Differences Between Neighbourhoods and Individuals Explain Variation in Estimations of the Ethnic Out-Group Size in the Neighbourhood, 2018 / J. Laméris, G. Kraaykamp, S. Ruiters, J. Tolsmaa // International Journal of Intercultural Relations. Mar. (vol. 63). P. 80–94.
- Maguire B., Wozniak J. F., 1987. Racial and Ethnic Stereotypes in Professional Wrestling // The Social Science Journal. Vol. 24, iss. 3. P. 261–273.
- Stanciu A., Vauclair Ch.-M., Rodda N., 2019. Evidence for Stereotype Accommodation as an Expression of Immigrants' Socio-Cognitive Adaptation // International Journal of Intercultural Relations. Sept. (vol. 72). P. 76–86.
- Tarasova A. N., 2017. Acculturation and Psychological Adjustment of Foreign Students (The Experience of Elabuga Institute of Kazan Federal University) // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 21 Febr. (vol. 237). P. 1173–1178.
- Weber S., Appel M., Kronberger N., 2015. Stereotype Threat and the Cognitive Performance of Adolescent Immigrants: The Role of Cultural Identity Strength // Contemporary Educational Psychology. July (vol. 42). P. 71–81.

REFERENCES

- Balyasnikova O.V., 2015. Vozmozhnosti i perspektivy etnopsikholingvisticheskogo issledovaniya konflikta [Opportunities and Prospects of Etnopsycholinguistic Research into Conflict]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 4 (26), pp. 12–20.

- Balyasnikova O.V., Ufimtseva N.V., 2018. Strategii aktualizatsii kategorii *EGO* v yazykovom soznanii russkikh (po dannym assotsiativnogo eksperimenta) [The Strategy of Actualization of Ego-Category in the Russian Language Consciousness (An Associative Experiment Data Analysis)]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 4 (38), pp.14-33.
- Balyasnikova O.V., Ufimtseva N.V., 2019. Tipologiya konfliktogennykh zon po materialam assotsiativnogo eksperimenta [Typology of Conflict Zones Based on Materials from an Associative Experiment]. Kovshova M.L., ed. *Kognitivnye issledovaniya. Vyp. XXXVI: Ponimanie. Interpretatsiya. Kognitivnoe modelirovanie: sb. nauch. tr. v chest 70-letiya V.Z. Demyankova* [Cognitive Research. Iss. XXXVI: Understanding. Interpretation. Cognitive Modeling. Collection of Scientific Works in Honor of the 70th Anniversary of V.Z. Demyankov]. Tambov, Derzhavinskiy, pp. 284-291.
- Gaysina A.R., 2014. «Svoy» i «chuzhoy» v yazykovom soznanii nositeley tatarskoy kultury [“Yours and Others in the Linguistic Consciousness of the Tatar Culture’s Representatives]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], no. 4 (23), part 2, p. 99.
- Grigoreva E.M., 2019. Kulturno-etnicheskie osobennosti perezhivaniya v ekstremalnykh situatsiyakh u yakutov [The Yakuts’ Cultural-Ethnic Discrepancies of Emotional Distress in Emergency Situations]. *Dnevnik nauki*, no. 6. (30), p. 18.
- Dodina R.R., 2008. *Vzaimnye etnicheskie obrazy russkikh, tatar i chuvashey Tatarstana* [Mutual Ethnic Images of Russians, Tatars and Chuvashes of Tatarstan]. URL: <http://kitap.net.ru/psi/etnotat-rus.php> (accessed 17 December 2019).
- Ibragim T.K., Sultanov F.M., Yuzeev A.N., 2002. *Tatarskaya religiozno-filosofskaya mysl v obshchemusul'manskom kontekste* [Tatar Religious-Philosophical Thought in the General Muslim Context]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izd-vo. 236 p.
- Krysko V.G., 2008. *Etnicheskaya psikhologiya* [Ethnic Psychology]. Moscow, Akademiya Publ. 420 p.
- Maslova V.A., 2019. Stereotip i sravnenie kak reprezentanty lingvokulturnogo prostranstva [Stereotype and Comparison as Representatives of the Linguistic and Cultural Space]. *Tyurkskoe yazykoznanie XXI veka: leksikologiya i leksikografiya: materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoy 80-letiyu sozdaniya Inta yaz., lit. i iskusstva im. G. Ibragimova Akademii nauk Respubliki Tatarstan* [Turkic Linguistics of the 21st Century: Lexicology and Lexicography. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Creating G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan]. Kazan, Izd-vo Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova, pp.122-126.
- Nikaeva T.M., 2013. Etnicheskie stereotipy v obraze mira russkikh, yakutov, evenkov i evenov [Ethnic Stereotypes in the Worldview of Russians, Yakuts, Evenks and Evens]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta im. M.K. Ammosova*, vol. 10, no. 3, pp.75-81.
- Nikaeva T.M., Solovyeva E.V., 2016. Respublika Sakha (Yakutiya) v yazykovom soznanii sovremennoy molodezhi [The Republic of Sakha (Yakutia) in the Linguistic Consciousness of Modern Young People]. *Vestnik nauchnykh konferentsiy* [Bulletin of Scientific Conferences], no. 9-6 (13), pp. 47-60.
- Razumkova A.V., 2017. Stereotip v yazykovom soznanii: psiholingvisticheskiy aspekt [Stereotype in Language Consciousness: Pshycholinguistic Aspect]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsialnost* [RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices], vol.14, no. 2, pp. 260-266.
- Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A., Balyasnikova O.V., Razumkova A.V., Stepanova A.A., 2017. *Regionalnoe yazykovoe soznanie komi, russkikh i tatar: problemy vzaimovliyaniya: kollektiv. monogr.* [Regional Linguistic Consciousness of the Komi, Russians and Tatars: Problems of Mutual Influence. Collective Monograph]. Moscow, Yaroslavl, Kantsler Publ. 240 p.
- Semashko T.F., 2014. Stereotip kak fragment yazykovoy kartiny mira [Stereotype as Fragment of Linguistic World-Image]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 2 (32), part 2, pp. 176-179.
- Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A., Karaulov Yu.N., Tarasov E.F., 2004. *Slavyanskiy assotsiativnyy slovar: russkiy, belorusskiy, bolgarskiy, ukrainskiy* [Slavic Associative Dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian]. Moscow, Izd-vo RAN IYa. 800 p.
- Sogomonyan A.S., 2018. *Rol etnicheskikh stereotipov i ustanovok v formirovanii tolerantnosti* [Role of Ethnic Stereotypes and Installations in Formation of Tolerance]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 4 (812), pp. 210-219.

- Ufimtseva N.V., 2019. Assotsiativnyy eksperiment i kognitivnye strategii respondentov [Associative Experiment and Respondents Cognitive Strategies]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXXVII: Integrativnye protsessy v kognitivnoy lingvistike: materialy Mezhdunar. kongr. po kognitiv. lingvistike (16–18 maya 2019 g.)* [Cognitive Studies of Language. Iss. XXXVII. Integrative Processes in Cognitive Linguistics. Proceedings of the International Congress on Cognitive Linguistics (May 16–18, 2019)]. Moscow, Institut yazykoznaneya RAN, Tambov, Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, Nizhny Novgorod, DEKOM Publ., pp. 920-925.
- Arens A.K., Visser L., 2020. Personal Peer Victimization and Ethnic Peer Victimization: Findings on Their Co-Occurrence, Predictors, and Outcomes From a Latent Profile Analysis. *Child Abuse and Neglect*, vol. 99. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2019.104250>.
- Bhatia S., 2017. The Semantic Representation of Prejudice and Stereotypes. *Cognition*, July (vol. 164), pp. 46-60.
- Glock S., Kleen H., 2019. Attitudes Toward Students from Ethnic Minority Groups: The Roles of Preservice Teachers' Own Ethnic Backgrounds and Teacher Efficacy Activation. *Studies in Educational Evaluation*, September (vol. 62), pp. 82-91.
- Xu M., Macrynikova N., Waseem M., Miranda R., 2020. Racial and Ethnic Differences in Bullying: Review and Implications for Intervention. *Aggression and Violent Behavior*, vol. 50. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2019.101340>.
- Laméris J., Kraaykamp G., Ruiter S., Tolsmaa J., 2018. Size is in the Eye of the Beholder: How Differences Between Neighbourhoods and Individuals Explain Variation in Estimations of the Ethnic Out-Group Size in the Neighbourhood. *International Journal of Intercultural Relations*, March (vol. 63), pp. 80-94.
- Maguire B., Wozniak J.F., 1987. Racial and Ethnic Stereotypes in Professional Wrestling. *The Social Science Journal*, vol. 24, iss. 3, pp. 261-273.
- Stanciu A., Vauclair Ch.-M., Rodda N., 2019. Evidence for Stereotype Accommodation as an Expression of Immigrants' Socio-Cognitive Adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*, September (vol. 72), pp. 76-86.
- Tarasova A.N., 2017. Acculturation and Psychological Adjustment of Foreign Students (The Experience of Elabuga Institute of Kazan Federal University). *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, February 21 (vol. 237), pp. 1173-1178.
- Weber S., Appel M., Kronberger N., 2015. Stereotype Threat and the Cognitive Performance of Adolescent Immigrants: The Role of Cultural Identity Strength. *Contemporary Educational Psychology*, July (vol. 42), pp. 71-81.

Information About the Authors

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher, Ethnopsycholinguistics Sector, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Bolshoy Kislovskiy Lane, 1, 125009 Moscow, Russia; Associate Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University, Trubetskaya St., 8-2, 119991 Moscow, Russia, o.balyasnikova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5501-5264>

Natalya V. Ufimtseva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Ethnopsycholinguistics Sector, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Bolshoy Kislovskiy Lane, 1, 125009 Moscow, Russia, nufimtseva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7476-8421>

Информация об авторах

Ольга Вениаминовна Балясникова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики, Институт языкознания РАН, пер. Большой Кисловский, 1, 125009 г. Москва, Россия; доцент, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, ул. Трубецкая, 8-2, 119991 г. Москва, Россия, o.balyasnikova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5501-5264>

Наталья Владимировна Уфимцева, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики, Институт языкознания РАН, пер. Большой Кисловский, 1, 125009 г. Москва, Россия, nufimtseva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7476-8421>